

ДЕМОН ПОВЕРЖЕННЫЙ

Он метался по комнате, глаза лихорадочно блестели, лицо исказилось от злости. Наде даже показалось, что муж сейчас ее ударит. За последние месяцы Миша сильно исхудал, но она, глядя на его маленькую жалкую фигуру, не чувствовала жалости — только ужас и отвращение.

Внешне Врубель ничем не походил на художника — подчеркнуто щеголеват, никакой небрежности в одежде. Богемный стиль ему претил

Ты тоже виновата! Я немедленно еду в Москву!» — кричал Врубель, брызгая слюной. Дверь

за ним с силой захлопнулась, жалобно задребезжали стекла веранды. Вслед мужу полетела Надина телеграмма, адресованная доктору Савей-Могилевичу. Она и впрямь виновата, что не сделала этого раньше...

Путешествие по железной дороге всегда было для Врубеля мучительным — его угнетало бездействие. Нервный пассажир то и дело выскакивал в тамбур, изводя проводника расспросами: который час и не опаздывает ли поезд, потом спросил себе чаю, да так и не притронулся к нему. Врубель уже сожалел, что в очередной раз так глупо поссорился с женой — у Нади ведь тоже нервы... Савочке всего-то восемь месяцев, малыш беспокоен, спит мало, и Надя, конечно, переживает за здоровье сына. Он тоже переживает, но выносить постоянный плач нет сил. Если бы домашние знали, как у него болит голова! А сына

он боготворит. Говорят, ему удался Савочкин портрет — белокурый мальчик с огромными ярко-синими глазами, глядящими на мир слишком серьезно. Правда, ангельское личико немного портит кривая улыбка: сын родился с раздвоенной верхней губкой. Врубель пришел в ярость, когда кто-то при нем назвал дефект ребенка признаком вырождения. «Мой сын

один не может содержать семью! Но в последнее время он много работает, и именно ради семьи. Правда, ей хочется, чтобы он писал портреты богачей, а не тратил столько времени на огромное полотно без заказа. Кому нужна такая мрачная картина? Кто ее купит? Надя договорилась до того, что ненавидит этого «Демона», отнявшего у нее мужа...

Кому нужна такая мрачная картина? Надя договорилась до того, что ненавидит этого «Демона», отнявшего у нее мужа...

особенный, — горячился отец, — и неправильность черт только доказывает его исключительность!»

Почему Надя считает, что он пренебрегает семьей? Она совсем перестала понимать его. Отчего, например, не ушла из театра, где не ценят талант ее мужа? И что ведь заявила: мол, не сделает этого, поскольку он

Он действительно стоял тогда у мольберта по 15—20 часов в сутки. Когда холст показался короток по композиции, Врубель, засучив рукава, старательно надставил его, орудуя толстой иглой. Потом, когда надо было изобразить Кавказские горы, он обегал весь город и не успокоился, пока не отыскал открыток с видами Эльб-

Глупцы считали, что он продал душу! Глупцы! Ведь он писал не Дьявола, а падшего ангела, осмелившегося бросить вызов Богу! Врубель и прежде лепил и рисовал Демона, иллюстрировал лермонтовскую поэму...

руса и Казбека. Он почти не спал, глотая фенацетин от мигрени горстями, и все никак не мог закончить картину, бесконечно меняя выражение глаз Демона. Глупцы считали, что он продал душу! Глупцы! Ведь он писал не Дьявола, а падшего ангела, осмелившегося бросить вызов Богу! Врубель и прежде лепил и рисовал Демона — то сидящего, то летящего, иллюстрировал лермонтовскую поэму. Но «Демон поверженный» отличался от прежних работ, потому что он наконец понял: нужно как можно дальше отойти от земного представления о духе. Не в силах ждать, пока подсохнет краска, Врубель залеплял не удовлетворявшие его части полотна обрывками газет и писал по ним, потом снова переделывал. И даже отдав картину в Москву на выставку, все равно никак не мог остановиться: приходил в зал и на глазах у изумленной публики продолжал менять то одно, то другое. Картину ругали, называли антихристианской, в нее летели плевки. Когда «Демона» сняли с

подрамника, скатали и отправили в Петербург на выставку «мирикусников», художник поехал следом: а вдруг Дягилев не поймет его шедевр...

В последнее время Врубель сильно переменялся. Обычно тихий и немногословный, он ходил по инстанциям, везде доказывая гениальность своей картины: «Вы совершаете преступление не передо мной, а перед искусством, что не приобретаете «Демона!» От бессилия скоро сдали нервы, и он накинудся с кулаками на капельдинера в театре только за то, что тот взял его за руки. Потом было стыдно и неловко... Его вызвали в суд, правда, он держался изо всех сил, был, как обычно, вежлив, обходителен, и капельдинер от обвинения откасался, но все равно неприятно.

В Москву Врубель вернулся с тяжелым чувством: мастерская пуста, в доме — попреки и слезы, и он, ища душевного покоя, часами бесцельно бродил по городу. Надю пугали длительные отлучки и изменившийся

нрав супруга; она уговорила Михаила показаться врачам, но консилиум не дал определенных заключений. В апреле Надя убедила мужа поехать на дачу в Рязань: «Тебе помогут свежий воздух и спокойствие тамошней жизни». Он вроде бы согласился, но всю дорогу порывался сойти с поезда, чтобы вернуться обратно. На даче Врубель не прожил и двух дней...

Едва ступив на московский перрон, он сразу же увидел знакомую фигуру доктора Савей-Могилевича, что консультировал его перед отъездом. Чуть поодаль стояли два рослых мрачноватых парня, и, хотя на них не было униформы, он все понял. Как же они узнали, что он прибывает именно этим поездом? Всю дорогу до психиатрической лечебницы Врубель пытался вырваться; он изорвал на себе одежду, вплоть до белья. В клинику Сербского художника привезли в одном пальто на голое тело.

Врубель знает: его считают безумным. Но разве он похож на других па-

циентов, что подолгу сидят, бессмысленно уставясь в одну точку? Он-то все помнит: стихи и оперные арии, даты и события, он может часами говорить о живописи, только не с кем... Не разрешают свиданий с родными, не дают рисовать, чтобы не возбуждался, — но эти запреты как раз и приводят его в возбуждение! Принудительный сон не приносит отдыха, только краткое забытие, после которого становится еще хуже. Иногда ему является Демон и шепчет, что они теперь братья — ведь оба повержены. Михаил пишет Наде: «Дорогая моя жена, чудесная женщина, спаси меня от моего демона! Отчего мы прозябаем врозь?» А Надя то на гастролях, то у больной матери в Швейцарии, то еще где-то. Фиалка, роза ширазская, отрада всей жизни, позднее счастье! Господи, как хочется ее увидеть!

...Они познакомились в Петербурге, на сцене Панаевского театра. Врубелю было уже под сорок, а он все еще ходил в холостяках. Приятель Коро-

аккуратно посетил цирюльника и питал слабость к дорогому французскому одеколону «Копи». Мог вылить целый пузырек в воду для мытья, а поужинать печеными яйцами с хлебом.

Врубель стал всюду сопровождать Забелу. Музыка была его второй сильной страстью после живописи, он и сам обладал несильным, но приятным голосом. «Разбирается в опере, не говорит о политике, обожает лошадей и скачки, но не играет в тотализатор и презирает карты — идеальный поклонник», — думала Надя. Правда, недоброжелатели не преминули сообщить ей, что художник — мот и кутила. Второе оказалось досужими слухами, но деньги и вправду у Врубеля не задерживались. Он вечно ходил в долгах, тратясь на дорогие бесполезные вещи. Раз, помнится, ему страшно захотелось иметь белые лайковые перчатки. Врубель купил их, продав кому-то за бесценок своего «Дон Жуана», но, надев всего раз, выбросил: решил, что носить такое вуль-

Сон приносит только краткое забытие. Иногда ему является Демон и шепчет, что они теперь братья — ведь оба повержены

вин тогда работал над декорациями к опере «Гензель и Гретель» Гумпердинка. Сроки поджимали, а тот, как назло, заболел и попросил Врубеля помочь. Шла репетиция. Партию Греты исполнила Надежда Ивановна Забела. В перерыве Михаил бросился к ней из-за кулис, расцеловал обе руки и воскликнул: «Вы прелестны! И прелестный голос!» Но увидев, что молодая певица смутилась, устыдился своей импульсивности и сбежал, не представившись. Позже Надя призналась, что Миша показался ей очень интересным — мускулистый, аристократичный, элегантный... И впрямь, внешне Врубель ничем не походил на художника — подчеркнута щеголеват, никакой неряшливости или небрежности в одежде. Богемный стиль ему претил: если манжеты пачкались или сминались, а свежей рубашки под рукой не оказывалось, он мог, бросив все дела, лететь покупать новую. Это здесь, в клинике, меняют белье не каждый день, а брить приходят и того реже. Раньше-то он

гарно. Деньгами и картинами он совсем не дорожил, да и важными заказчиками тоже... Готовый портрет некоего купца, который долго ему позировал, в один вечер взял, да и уничтожил, изобразив поверх встреченную на улице гадалку. Купец даже судиться хотел! Другьям-то Михаил объяснил: дескать, эта толстая морда на мольберте ему порядком надоела — а купцу что скажешь? Разве тот поймет, что под рукой не было чистого холста, а работать страсть как хотелось. Но отныне сумасбродствам конец — Михаил будет все деньги тратить только на Наденьку. Они ходили в лучшие рестораны; Врубель любил посидеть за бутылкой хорошего вина, рассматривая ярлыки шампанского разных марок. Бутылка «мума» — такая красота! Он читал Наде Лермонтова и Байрона, Гомера и Данте в оригинале и из скромности долго не признавался, что знает восемь иностранных языков. У них оказалось много общего: оба любили Европу, больше Италию, а

**Римский-Корсаков обожал пение
Надежды Забелы и все главные оперные
партии писал специально под нее**

особенно Рим, где ему хотелось бы жить, — ведь там все дышит искусством. В России же можно жить только в крупных городах, в деревне тоска и мрак, особенно зимой...

Они гуляли по заснеженному Петербургу. У Нади мерзли руки, и Михаил согрел их поцелуями, а она смеялась, говоря, что щекотно от усов. Врубель почти сразу сделал ей предложение. Он безумно боялся отказа и про себя решил: если Наденька не согласится — покончит с собой. Но ангел Наденька, несмотря на 12-летнюю разницу в возрасте и неопределенность его материального положения, после недолгих раздумий согласилась. Первый раз в жизни ему улыбнулась удача. Кстати пришлось и заказы от Мамонтова и Морозова. Выполнив их, Врубель закупает дорогих подарков и мчитя к невесте в Швейцарию. Сильно поиздержавшись, последнюю часть пути он вынужден проделать пешком, зато как радуется подаркам Наденьки!

А на родине тем временем разгорается скандал: комиссия не приняла два врубелевских панно для нижегородской выставки. Савва Мамонтов выстроил для них специальный павильон, и публика туда валом валит поглазеть на отвергнутое искусство. На его голову сыплются брань и проклятия, но что ему до того?! Он безмерно счастлив: 28 июля 1896 года в Женеве они с Надей поженились.

В последней записке в клинику она благодарила мужа за длинное интересное письмо, советовала больше

кушать, хорошо высыпаться. Он замечает, что послания жены все больше напоминают письма добрых почтенных знакомых. Конечно, он знает: в браке долг часто заменяет чувства, но ведь это касается чужих браков. Они-то с Наденькой живут необыкновенно и так любят друг друга!

...После свадьбы Врубель стал тенью жены: ездил на все ее репетиции и спектакли, всегда сидел в третьем, артистическом ряду партера, а в антракте бежал в гримборную, чтобы опять быть рядом. Он слушал Надю в партии Морской Царевны 90 раз, и ему это не надоело. Заменяя Надину

Врубель сделал ей предложение. Он безумно боялся отказа и про себя решил: если Наденька не согласится — покончит с собой

костюмершу, сам одевал и раздевал жену, придумывал и собственноручно мастерил ей наряды для сцены и жизни. Одно время она носила белые крахмальные рубашки с бриллиантовыми запонками, черную юбку и цветные фигаро. Одно, оттенка лилово-красного далия, ему нравилось особенно.

Благодаря Наде его жизнь оказалась прочно связанной с театром. Семейному человеку нужен постоянный источник дохода, и он пишет декорации. Ничего, что на картины почти не

остается времени, работает-то он быстро. Вот только Надя сетует, что продает он их по-прежнему дешево, не торгуясь. Но ведь денег у них достаточно! Надя тоже работает: Римский-Корсаков обожает ее пение и все главные оперные партии пишет специально под нее. Другие артистки ей завидуют, ну и пускай! Главное, у них самих нет в душе места темным чувствам. Они с Надей живут на широкую ногу, устраивают для друзей пиры, где Михаил играет роль метрдотеля. Если б он не стал художником, наверняка пошел бы в рестораторы: о блюдах и напитках ему известно почти все. Род-

ные, помнится, приходили в ужас от безудержных трат молодых, советовали вести себя экономнее, купить жилье, которого из-за частых Надиных гастролей у них действительно не было. Но ведь так весело жить в разных местах! Съемные апартаменты Врубель обставлял сам и обязательно заводил большие диваны, на которые можно было уложить гостей. Квартиры снимал только с техническими усовершенствованиями — с лифтом и электричеством, а если электричество отсутствовало, проводил его сам. «Зна-

Михаил Врубель.
«Портрет Саввы Мамонтова»

Врубеля выпустили из клиники, а он не чувствовал ничего: ни боли, ни отчаяния, ни радости. Что ж, зато теперь он нормален

ешь, так приятно чувствовать себя богатым человеком!» — говорил он сестре Ане, и она, наверное единственная, понимала его. Родная преданная Нюта! Сюда, в клинику, она ходит к нему очень часто. Они сблизились еще в детстве, после смерти от чахотки младшего брата Саши. Миша никак не

мог примириться с потерей и все корил себя за ссоры и глупое соперничество с братом. Даже смерть матери десятью годами ранее не так потрясла его. Наверное, в три года он был слишком мал, чтобы осознать ее утрату, к тому же вторая жена отца заменила им мать, в доме было много сводных

братьев и сестер. Но Анюта всегда оставалась самым близким другом. Окончив педагогические курсы, она учительствовала и из своего небольшого жалования умудрялась ему, вечно бедствовавшему, присылать деньги. Как он мечтал в молодости разбогатеть, чтобы отблагодарить сестру! Но, увы, тогда это казалось несбыточным: его живопись не понимали, картины покупали плохо. Приходилось браться за любую работу. Врубель улыбнулся, вспомнив, как писал с приятелем именинные поздравления для богатых господ, тщательно вырисовывая узоры на голубом коленкоре. Потом они покатывались со смеху, повторяя: «Шурочке привет! Боже, Левочку храни!» Сам он относился к безденежью легко. Вот отец, тот переживал — как может сын, окончивший гимназию с золотой медалью, юридический факультет Петербургского университета и Академию художеств, жить на 3 рубля в месяц, питаясь лишь хлебом и водой?! Но это было совсем не тяжело, лишь бы хватало на краски. Радость жизни переполняла его. Где теперь она, эта радость?..

Врубеля выпустили из клиники почти через год, а он не чувствовал ничего: ни боли, ни отчаяния, ни радости. Что ж, зато теперь он нормален. Художник вошел в детскую и, увидев резво бегущего к нему Саввочку чуть не разрыдался. Сколько времени у них отняли! В последний раз он видел сына, когда тот только-только пытался вставать в кроватке. Качая мальчика на коленях, он вспоминал, как они с Надей готовились к рождению первенца. Заранее купили все необходимое, колясочку он искал непременно белую... В голове зрел замысел «Демона», и они с Надей фантазировали, как всей семьей поедут за границу выставлаться и путешествовать. Кто же знал, что 1 сентября 1901 года, день рождения Саввы, станет началом стольких испытаний! Все оказалось не таким чудным, как мечталось. Чудом был только сын: в полтора года лепечет не «мама» и «папа», как другие дети, а редкие слова типа «опять». А еще Саввочка удивительно музыкален, все пытается подпевать матери. Эти тихие семейные вечера кажутся теперь Врубелю главным смыслом жизни...

В начале мая они едут погостить к друзьям под Киев. В день приезда Савва заболел — видно, простудился в дороге. Надя с Михаилом бежали то

за доктором, то в аптеку, но, несмотря на все усилия, к вечеру следующего дня мальчика не стало. От неожиданного горя Надя перестала говорить... Похоронами занимался Михаил. Ему казалось, что все это происходит не с ними — думал, что рассудок вновь помутился, оттого ему и представляются такие дикие, невероятные вещи.

По приезде в Киев Савва заболел, и к вечеру следующего дня мальчика не стало. От горя Надя перестала говорить...

Но, возвратившись в гостиницу и увидев почерневшую безмолвную жену, он с ужасом понял: хрупкий мальчик с пронзительно-синими глазами больше никогда не выбежит навстречу... От сознания этого не хотелось жить, он отказывался от еды и, чтобы ненароком не наложить на себя руки, просил вернуть его в клинику. Видно, Господь наказывает его за

то, что, не будучи достойным, он осмелился писать Богоматерь с Христом. Надо искупить вину — и на сей раз он не шумит, покорно принимает бром и триональ, только есть упорно отказывается. Дошло до того, что от истощения Врубель не мог больше ходить — пациента возили в инвалидном кресле. А перед глазами все

вставал Киев с его цветущими садами и перезвоном колоколов...

Когда-то он приехал в этот город расписывать Кирилловскую церковь. Для 28-летнего безвестного художника это был первый крупный заказ, и Врубель им очень гордился. Здесь он и встретил свою мучительную любовь. Вообще-то он с юных лет был влюбчив: сначала увлекся Екатериной Кра-

совской, женой отцовского племянника, потом ухаживал за Марусей Симонович, кузиной друга, Валентина Серова. Бьи и другие симпатии, но все они позабылись, когда Михаил увидел Эмилию Львовну, жену Адриана Викторовича Прахова, художественного руководителя реставрационных работ в Киевской Софии и в Кириллове. Старше Врубеля на четыре года, она имела троих детей, но все еще была очень хороша. Михаил развлекал ее разговорами о литературе, искусстве, и живой интерес красавицы льстил ему. Люди, хорошо знавшие Эмилию Львовну, говорили, что она недалекого ума и дурно воспитана, но влюбленный художник не желал замечать очевидного и все горячился: «Вы совсем не знаете ее, она умна и глубоко чувствует». Ей нравилось вгонять его в краску, долго смотря в упор: у Эмилии бьи дивные глаза темно-вазилькового цвета и красиво очерченные губы. Врубель умолял ее оставить мужа, но Эмилия то многозначительно молчала, то смеялась над неразумностью горячего юноши. Конечно же Прахов обо всем узнал и по оконча-

нии росписи Кирилловской церкви посоветовал Врубель отправиться в Венецию для изучения византийских мозаик, дабы подготовиться к дальнейшим реставрационным работам. «Не будьте фофаном, поезжайте», — говорил Адриан Викторович. Однако по возвращении Врубеля патрон не допустит его к фрескам, поручив лишь орнаменты сводов Владимирского собора. «Вы слишком смелы в вашей живописи», — скажет позднее Прахов. А про себя наверняка подумает: «И в личной жизни тоже...»

Уезжал же Врубель, лелея надежду на скорую встречу с любимой. Из Венеции непрерывно слал письма, а в заказанном образе Богоматери, тоскуя, изобразил черты Эмилии. Вернувшись, он выслушал ее суровую отповедь: «Вы мне прискучили своим обожанием. С чего вы взяли, что я когда-нибудь любила вас? Прошу отныне никогда...» и так далее. Врубель резал ножом грудь и равнодушно смотрел, как медленно сочится кровь. Он углублял рану, и кровь текла сильнее. Боль помогала забыть. На его груди навсегда остались широкие белые шрамы.

...В клинике у него нет ножа. Почему никто не понимает, что телесными страданиями он заглушает муки души?! Голова раскалывалась: сжальтесь, вырежьте из памяти этот несчастный город, который в довершение всего стал еще и Саввочкиной могилой!

Но Врубель все-таки справится с этим горем. Снова выйдет на волю, они с Надей поселятся в Петербурге — жена теперь солистка Мариинского театра! Они принимают гостей, ходят в театр, он опять начал работать: как-то незаметно его имя вошло в моду, ему наконец-то хорошо платят...

..День выдался морозный и солнечный — редкость для Петербурга. Врубель шел по Невскому в полном блаженстве: он только что получил деньги за картину, огромную сумму. Зашел в Торговые ряды. Ему понравилось кружевное платье за 500 рублей и шляпка за 60, и он приобрел их для Наденьки. А затем еще долго ходил, покупая массу забавных красивых вещиц вроде громадного китайского ящика для чая, обитого шелком. Он бы так счастлив, когда появился на пороге с подарками, а Надя расстроилась: посчитала, что Миша сильно возбужден и напрасно сорит деньгами. Уж не рецидив ли это болезни? Ей со

Когда-то он приехал в Киев расписывать Кирилловскую церковь. Для 28-летнего безвестного художника это был первый крупный заказ, и Врубель им очень гордился

стороны виднее, согласился Врубель. Он и сам боится своего недуга и ни в коем случае не хочет более пугать жену. Но сердце все-таки сжалось, когда Надя объявила: «Думаю, Миша, для тебя будет лучше вернуться в клинику».

Накануне отъезда Врубель выглядит совершенно здоровым: приглашает в гости друга юности и любимого академического профессора, они пьют чай в гостиной. Затем он едет на новую художественную вы-

ставку. Там его сразу окружает толпа почитателей, молодые рукоплещут, и вдохновленный Врубель рассуждает об искусстве. А вечером он заглянул в Панаевский театр, тот самый, где впервые встретился с Надей. Больше Врубель никогда не переступит его порога...

Слава Богу, теперь в клинике ему разрешено рисовать. Это хорошо, но как хочется жить полной жизнью — бродить по улицам, сидеть в кондитерской, вдыхать запах кулис! Он придумал новый туалет для Нади. Тайком, чтобы не заметила обслуга, Врубель спрятал под подушку новое летнее пальто и брюки. Ночью под одеялом, непрерывно теребя, изорвал их на полоски: если в прорехи вставить разноцветные куски материи, получится фантастический наряд. Только как передать костюм жене?.. И опять стали мучить голоса. Они говорят, что из его «Морской Царевны», выставленной в музее Александра III, расплозаются мокрицы и сороконожки, что в недавно законченной «Жемчужине» фигуры принимают непристойные позы. Не хватало ему на самом деле потерять рассудок!

Но самое ужасное ожидало его впереди: с глазами у Врубеля давно творилось что-то неладное — то яркие пятна, то тьма. И вот навалился непроницаемый могильный мрак... Теперь он знал: нет ничего страшнее для художника, чем слепота. Врубель вскочил, разрывая рубашку на впадой груди, и из невидящих глаз полились слезы.

...Опять бессонница. Врубель распахнул окно, и февральский ветер влетел в палату. Уже четыре года его глаза бесстрастно отражают солнечный свет. Как это чирикали днем воробьи? «Чуть жив! Чуть жив!» Он простоял всю ночь босым у открытого окна, а наутро, рассказывая об этом сестре, спокойно добавил: «Через месяц мои легкие превратятся в решето».

...Он умер 1 апреля 1910 года от пневмонии, всего за десять минут до прихода ненаглядной жены. На похоронах Надя так рыдала, что сестре Ане показалось это неприличным. Что оплакивала она с такой силой?

Через три года Надежда Ивановна Забела-Врубель, вернувшись с концерта, внезапно умерет после непродолжительного приступа. Причина ее смерти останется неясна...

Мария Некрасова

Он простоял у открытого окна всю ночь, а наутро спокойно сказал сестре: «Через месяц мои легкие превратятся в решето»

A black and white portrait of a woman, Nadia Ivanovna Zabela-Vrubel, looking slightly to the left. She has dark, curly hair styled up. She is wearing a dark, high-collared coat with a fur trim. The background is a plain, light color.

Через три года после смерти мужа Надежда Ивановна Забела-Врубель, вернувшись с концерта, внезапно умерла после непродолжительного приступа